

Специфика изменения образа будущего: ретроспектива вопроса

Вопрос существования завтрашнего дня и возможности его прогнозирования – универсальный вопрос всех без исключения культур с древнейших времен. Попытаемся дать краткий экскурс в историю вопроса и, как это ни парадоксально, углубимся в историю понимания будущего, ориентируясь в основном на материал европейской цивилизации.

Несмотря на то, что в глубокой древности каждая культурная общность решала этот важнейший вопрос по-своему, прогнозы, которые появлялись в результате, были практически идентичными – конец света неизбежен. Мифологические системы во всех уголках планеты с завидным постоянством выстраивали сценарии гибели всего живого, после которой начнется новый цикл создания и появится новый мир, который также будет уничтожен в свое время. Будущее как одна из основных категорий культуры в данном случае тесно связано с прошлым и понимается весьма условно – в мифологическом мировоззрении оно является неизбежным и предсказуемым результатом самого факта сотворения мира. Тоталитарная предсказуемость еще не произошедших событий не дает нам права говорить о будущем в современном его понимании в рамках мифологической картины мира.

Ситуация изменяется в процессе развития культуры, и следующей важной вехой в развитии концепции будущего становится период формирования и развития религий. Принципиальное отличие от мифологического понимания концепции будущего – преобладающая идея линейности времени и конечности жизни. Несмотря на то, что этот период характеризуется одним из крупнейших футурологов Э. Тоффлером как традиционный и фактически лишенный новаций период [1], можно говорить, что осознание индивидом своей смертности и невозможность с точностью

предсказать будущее – как индивидуальное, так и будущее культуры в целом – стали важным толчком для трансформации идеи будущего культуры.

Будущее же «индустриальной цивилизации» [1] перемещается с небес на землю – основной фокус внимания перемещается в сторону успеха и признания на земле, а не вечной жизни на небе. Кроме того, если раньше человеку требовалась вся жизнь для достижения вечного блаженства в раю, то в эпоху индустриальной цивилизации время, необходимое индивиду для постановки цели и ее достижения, значительно сокращается, что позволяет говорить о том, что именно в этот период будущее действительно становится прогнозируемым и достижимым.

Будущее в понимании представителей цивилизации «третьей волны» – самый актуальный и волнующий вопрос для нас. Важным пунктом концепции Э. Тоффлера является тот факт, что сменяющие друг друга волны и революции требуют последовательно все меньшее количество времени – переход от аграрной к промышленной цивилизации шел несколько тысяч лет, в то время как информационная цивилизация сменила промышленную в гораздо более сжатые сроки. Это увеличение темпа общественного развития напрямую коррелирует с «приближением» будущего и изменением концепции его восприятия на протяжении последних столетий. Однако самые радикальные изменения на этом фронте начали происходить в середине XX века, и этим изменением является возникновение футурологии как науки. В контексте данного исследования мы в основном будем рассматривать футурологию в широком смысле – как «общую концепцию будущего Земли и человечества» [2]. Рассмотрим этот феномен подробнее.

Середина XX века – сложный период человеческой истории, и, естественно, в это время появляется множество идей и концепций, призванных предотвратить или предвидеть глобальные социально-политические и культурные катаклизмы, подобные уже произошедшим, а также попытаться найти основания для культурной общности в противовес идеям господствовавшего в то время культурно-цивилизационного подхода [3–5].

Альтернативой ему в то время стала новая концепция, «синтезировавшая в себе гуманистические идеи, современные футурологические и политологические подходы и развивающая проблематику социально-политического идеала будущего» [6] – футурология. Однако, несмотря на принципиальные различия между футурологическим и культурно-цивилизационным подходами, О. К. Флехтгейм в немалой степени базировался на идеях О. Шпенглера при создании своей футурологической концепции, более того, сам термин «футурология» был впервые использован им в процессе анализа идей его предшественника. Именно тогда О. К. Флехтгейм дает направление, в котором футурология будет в дальнейшем активно развиваться: «футурология пытается ответить насколько возможно объективно на проблемы, ожидающие нашу цивилизацию в течение следующего века» [6].

Резкий толчок в развитии футурологии произошел в 60-х гг. XX в. благодаря социально-политическому кризису, и к концу 70-х гг. появилась наиболее четкая и стройная концепция постиндустриального общества, известными представителями которой являются такие мыслители как Д. Белл [7] и уже упомянутый нами А. Тоффлер. Отметим, что важной чертой концепции постиндустриального общества является не только описание уже существующих явлений, но и прогнозы относительно будущего цивилизации. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к его характерным признакам, которые выделяют сторонники теории постиндустриализма: «решающее значение широкого применения информационных технологий; превращение производства знания в самостоятельную отрасль экономики, а университета – в основное место этого производства; распространение гибких форм мелкосерийного производства промышленной продукции, приходящего на смену унифицированному массовому производству и т. д.» [8].

Очевидно, что каждый из этих признаков уже воплотился в реальность или находится в процессе реализации. Однако прогностическая функция концепции постиндустриального общества работает в большей мере при описании социокультурных процессов: «Собственность как критерий

социальной стратификации общества утрачивает былое значение, уступая место уровню образования, накопленным знаниям. В политической сфере постиндустриализм отличает окончательное утверждение плюралистической демократии при повышении эффективности работы государственных институтов и структур <...>. В отличие от индустриального общества, раздираемого классовыми противоречиями и социальными конфликтами, стадию постиндустриализма, по мнению сторонников концепции, отличает наличие только одного основного конфликта – между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью» [8]. Таким образом, мы можем утверждать, что образ будущего в эпоху цивилизации «третьей волны» кардинально изменяется, появляется возможность его прогнозирования и оценки этих прогнозов.

Исходя из приведенной выше ретроспективы, мы можем сделать вывод, что образ будущего претерпел значительные изменения в процессе развития культуры, стал сложнее и многограннее, комбинируя традиционные и инновационные представления о данном феномене. Подобное явление требует более тщательного и объемного исследования, которое мы собираемся представить в дальнейшем.

Литература

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004.
2. *Философский энциклопедический словарь.* М., 2010.
3. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
4. *Закат Европы.* Новосибирск: Наука, 1993.
5. *Тойнби А.* Постижение истории. М. : Айрис-пресс, 2000.
6. *Афанасьев В. А.* Гуманистическая футурология О. К. Флехтгейма. М. : Историческая социология, 2009.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
8. *Новая философская энциклопедия* М. : Мысль, 2001.